

DOI: 10.31857/S013038640022416-5

© 2022 г. В.Ю. ХОМЕНКОВА

ИЗОБРЕТАЯ КОРНУОЛЛ: РЕГИОНАЛЬНАЯ АВТОНОМИЯ В РАННЕСТЮАРТОВСКОЙ АНГЛИИ

Хоменкова Виктория Юрьевна — магистрант 2 курса Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия).

E-mail: st055569@student.spbu.ru

Researcher ID: AGZ-6301-2022

Аннотация. Корнуолл — географически изолированный регион, расположенный на одноименном полуострове на юго-западе Британии. В период раннего Нового времени он представлял собой один из ярких примеров территориальной и этнокультурной автономии, обладавшей неопределенным статусом и специфическими привилегиями, что способствовало сохранению и воспроизводству здесь правовой и культурной самобытности. Подобные автономии являлись важным инструментом для поддержания устойчивости монархии и в целом всей системы потестарных отношений. Как правило, конструирование автономий и связанных с ними региональных идентичностей проводилось на разном уровне, в том числе и в интеллектуальной среде, что было выражено в создании так называемых локально ориентированных нарративов. Цель данной статьи — анализ рефлексии современников о статусе Корнуолла в составе британской композитарной монархии; рассматривается спектр идентичностей, которые были тесно связаны со статусом данной автономии. В качестве основного источника избран один из многочисленных локально ориентированных обзоров — трактат Ричарда Керью «Описание Корнуолла», который до настоящего момента практически не исследовался в контексте становления региональных идентичностей. В данном тексте конкретное локальное сообщество Корнуолла представлено в качестве проекции макрокосма Британии. Керью предлагает собственную корнуоллоориентированную версию этногенетического мифа, согласно которой заселение Британских островов начинается с побережья Корнуолла, что делает его «ключом» ко всей английской истории. Реконструируются нарративные стратегии включения Корнуолла в английское политическое и культурное пространство, которые, с одной стороны, были направлены на преодоление внутренней разнородности территориального государства, а с другой — подчеркивали его статус как уникального сообщества с собственной региональной спецификой и ареалом местных идентичностей.

Ключевые слова: Корнуолл, антиквариат, композитарная монархия, автономия, Тюдоры, Стюарты, Британия, раннее Новое время, региональная идентичность.

V.Yu. Khomenkova

Inventing Cornwall: Regional Autonomy in Early Stuart England

Viktoria Khomenkova, Institute of History, Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russia).

E-mail: st055569@student.spbu.ru

Researcher ID: AGZ-6301-2022

Abstract. Cornwall is an isolated region located on the peninsula of the same name in the southwest of Britain. The region was a territorial and ethno-cultural autonomy within the Early Modern composite monarchy. It has had an undefined constitutional status and specific privileges for centuries.

Such autonomies were an important tool in maintaining the stability of the monarchy and the system of potestary relations. The construction of autonomies and corresponding regional identities took place at different levels, for example among intellectuals. Their work resulted in the creation of locally oriented narratives. The purpose of this article is to analyse the reflections of contemporaries on the status of Cornwall as part of the British composite monarchy. A treatise by Richard Carew, "A Survey of Cornwall", was drawn upon as the main source. In this text, Cornwall appears as a semi-autonomous region incorporated into the English monarchy. Carew offers his own version of the ethnogenetic myth, according to which the settlement of Britain begins precisely from the coast of Cornwall. This fact made this region the "key" to the whole history of Britain. Thus, the author postulates its inclusion in the English political and cultural space. Nevertheless, the Cornish managed to maintain their regional characteristics, which are actualized in modern Cornwall.

Keywords: Cornwall, antiquaries, composite monarchy, autonomy, Tudors, Stuarts, Britain.

Корнуолл — этнокультурный регион на юго-западе Британии, расположенный на одноименном скалистом полуострове, находящемся практически в полной изоляции благодаря естественным водным барьерам (река Теймар отделяет его от графства Девон). Основу местного населения еще в доримский период составляли британские племена, которым вплоть до IX в. удавалось в целом успешно противостоять активным процессам германизации, сохранять локальную культурную и правовую специфику, а также собственный язык, родственные валлийскому и бретонскому. Впоследствии Корнуолл все же оказался в орбите влияния королевства Англия в статусе феодального графства, формально инкорпорированного в английскую монархию. Тем не менее на протяжении многих веков его фактический статус в королевстве оставался неопределенным, что способствовало сохранению и воспроизводству правовой и культурной самобытности, которая (ре)актуализируется в современном Корнуолле и приводит к активной ревитализации местных идентичностей. Аналогичные процессы сегодня характерны и для других кельтских регионов, включая Шотландию, Ирландию, Уэльс и французскую Бретань, однако их зарождение и интенсификация в ходе деволуции (которая на данный момент так и не была полноценно реализована на территории Корнуолла) датируются несколько более ранним периодом.

Вопрос об особой корнуолльской этнокультурной и территориальной идентичности, обусловленный проблемой интеграции Корнуолла в состав английской монархии и его последующей англизацией, остается в историографии остро дискуссионным. Так, Б. Дикон назвал историю Корнуолла «настоящим полем битвы»¹, где сталкиваются две противоборствующие силы, так называемые «корноскептики» и «корноцентристы». К «корноскептикам» можно отнести, например, Дж. Чайновета, который категорически отвергает то, что он называет «теорией корнуолльской самобытности», восходящей к идее «инаковости», обусловленной корнуолльским языком, ставшим «иконизированным» символом данной самобытности². Вслед за Джоном Тревизой, который еще в XIV в. писал, что «Корнуолл — это Энгелонде»³, Чайновет утверждает, что он был в целом интегрирован в правовое пространство и систему управления тюдоровской Англии и, таким образом, мало чем отличался от любого другого графства⁴.

С иным мнением выступают такие исследователи, как А.Л. Роуз⁵, Ф. Пейтон⁶, а также М. Стойл, утверждающий, что «обостренное ощущение самобытности всегда

¹ Deacon B. Cornwall: A Concise History. Cardiff, 2007. P. 5.

² Stoyle M. Tudor Cornwall // The English Historical Review. 2004. Vol. 119. Iss. 48. P. 135.

³ Цит. по: Armstrong D. Mapping Malory's Morte: The (Physical) Place and (Narrative) Space of Cornwall // Mapping Malory. Regional identities and national geographies in Le Morte Darthur (Arthurian and Courtly Cultures) / eds D. Armstrong, K. Hodges. New York, 2014. P. 34.

⁴ Chynoweth J. Tudor Cornwall. Stroud, 2002. P. 31.

⁵ Rowse A. Tudor Cornwall: Portrait of a Society. London, 1941.

⁶ Payton P. Cornwall: A History. Exeter, 2017.

характеризовало жителей Корнуолла»⁷. Несмотря на то что Корнуолл первым из всех кельтских периферийных регионов оказался в зоне политического влияния Англии и, соответственно, наиболее сильно подвергся процессам аккультурации, на протяжении более десяти веков там сохранялась внутренне признанная особая корнуолльская этническая идентичность. Тем не менее на сегодняшний день корнуолльская этническая идентичность по-прежнему остается непризнанной внешне, в отличие, например, от валлийской или шотландской. Как правило, считается, что она сливается с идентичностью «индустриальной»⁸ (условно ее можно обозначить как территориальную/региональную) и, таким образом, является объектом внешней легитимации. Данный способ легитимации, в свою очередь, в настоящий момент не может быть реализован в силу того, что остается доминирующим «проанглийское» восприятие корнуолльской идентичности в ее территориальном измерении, где Корнуолл все еще представляется не более чем обычным графством⁹.

Неопределенным остается также и статус герцогства Корнуолл. Формально с 1337 г., т.е. с момента официального появления герцогства, титул герцога Корнуолльского был зарезервирован для наследника престола. С одной стороны, подобный факт может служить индикатором полного поглощения территории и инкорпорации ее в единое тело английской монархии. С другой стороны, так называемые «корноцентристы», например Ф. Пейтон, апеллируют к тому, что учреждение герцогства Корнуолл тесно связало его с Англией, но при этом дало возможность сохранить определенную степень автономии¹⁰. С их точки зрения, с преобразованием Корнуолла в коронное владение герцог становился владельцем данной территории, что автоматически выводило его из-под юрисдикции короля, превращая в полуавтономную территорию с неопределенным статусом¹¹.

Так или иначе, можно с уверенностью сказать, что к началу раннего Нового времени Корнуолл действительно представлял собой территориальную автономию, совпадавшую с автономией этнокультурной, благодаря чему обладал некоторыми привилегиями, в том числе и особой администрацией¹². Подобные свободы были широко распространены в Англии и как правило характеризовались достаточной степенью «независимости», выраженной через специфическую систему правосудия. Таким образом, полицентричность королевской власти обуславливала вариативность способов взаимодействия различных систем управления, что способствовало развитию в свободе собственной политической культуры, вокруг которой выкристаллизовывались местные идентичности¹³.

Подобная схема в тюдоровскую и раннестюартовскую эпохи становилась необходимым инструментом для поддержания устойчивости монархии, подкрепляемой представлением о полиэтничности британского ландшафта, объединенного под эгидой тюдоровского династического мифа. Конструирование и осмысление таких автономий происходило на разных уровнях, в том числе и в интеллектуальной сфере в рамках так называемого антикварного дискурса. На страницах локально ориентированных нарративов отражалась рефлексия современников о статусе локальных сообществ и связанных

⁷ *Stoye M.* The Dissidence of Despair: Rebellion and Identity in Early Modern Cornwall // *Journal of British Studies*. 1999. Vol. 38. № 4. P. 424.

⁸ *Husk K., Williams M.* The Legitimation of Ethnicity: The Case of the Cornish // *Studies in Ethnicity and Nationalism*. 2012. № 12(2). P. 249–267; *Deacon B.* Industrial Celts: Making the modern Cornish identity, 1750–1870. Cornwall, 2018.

⁹ *Harris R.* Locating identity and ethnicity in Cornish civil society. PhD diss. Exeter, 2016. P. 11.

¹⁰ *Payton P.* Op. cit. P. 7.

¹¹ *Kirhope J.* The Duchy of Cornwall - A Feudal Remnant? An Examination of the origin, evolution and present status of the Duchy of Cornwall: PhD diss. Plymouth, 2013. P. 17.

¹² *Паламарчук А.А., Федоров С.Е.* Конструирование средневековых территориальных автономий: реальность и дискурсы раннего Нового времени // *Диалог с временем*. 2021. № 75. С. 396.

¹³ *Holford M., Stringer K.* Border Liberties and Loyalties North-East England, c. 1200 – c. 1400. Edinburgh, 2010. P. 6.

с ними идентичностях¹⁴. Далее более подробно будут рассмотрены такого рода тексты, посвященные Корнуоллу.

Как известно, период, обозначенный Ф.С. Фаснером как историческая революция¹⁵, был ознаменован последовательной сменой историописательной парадигмы. Средневековая темпоральность, лежавшая в основе хроникального типа историописания, постепенно трансформировалась под влиянием концепции анахронизма, пришедшей на смену традиционному христианскому универсализму¹⁶. Следствием этого стало изобретение новых историописательных методов, отмеченных, прежде всего, в трудах английских антиквариев. При этом в интеллектуальном поле раннего Нового времени по-прежнему сохранялись рудименты средневекового мировоззрения, в рамках которых «реальность» разворачивалась исключительно как замысел Божий, недоступный для человеческого восприятия¹⁷.

Подобные трансформации можно условно обозначить как маркеры зарождения национального историописания в условиях складывания так называемой раннемодерной британской нации. Данный процесс, проходивший под эгидой сразу двух разнонаправленных дискурсов, универсалистского и партикуляристского, требовал поиска новых форм реализации и осмысления коллективных идентичностей, связанных с различными региональными общностями, в том числе и обособленными территориально¹⁸. В рамках раннемодерного интеллектуального пространства потребность в осмыслении подобных идентичностей реализуется в создании локально ориентированных нарративов.

Отличительной чертой данных сочинений является то, что локус вытесняет хронос с позиции главенствующего принципа организации нарративной структуры текста, вследствие чего развивается новый жанр историописания — хорография. Она становится нарративным воплощением картографического образа, выраженного не только в географическом, но и в хронологическом измерении, точки соприкосновения которых конструируют целостный образ пространства.

Впервые слово «хорография» для обозначения особого жанра, основанного на описании местности, было использовано Клавдием Птолемеем, определившим его как сочетание истории и географии, стремящееся скорее к искусству, нежели к точному описанию земли в целом¹⁹. Под влиянием гуманистической традиции данный жанр актуализируется в XV в. в Италии в трудах Флавио Бьондо «Рим Торжествующий»²⁰ и «Воссозданный Рим»²¹. В Англии его распространение было обусловлено прежде всего антикварным дискурсом, в рамках которого он претерпел определенные трансформации и помимо сочетания географических и исторических сведений стал также включать в себя данные археологии, права, обычаи — т.е. все то, что могло быть успешно использовано для всестороннего описания местности²².

Значение данного жанра с точки зрения поиска новых форм коллективных идентификаций можно определить через специфическую трансформацию представлений о лояльности, связанных с территориальным мышлением. Если раньше историю представляли как последовательность правлений монархов, а картографические изображения

¹⁴ Паламарчук А.А., Федоров С.Е. Указ. соч. С. 399.

¹⁵ Fussner F. The Historical Revolution, English Historical Thought and Writing, 1580–1640. London, 2010. P. 11.

¹⁶ Levy F. Tudor Historical Thought. San Marino, 1967. P. 10.

¹⁷ Паламарчук А.А., Федоров С.Е., Терентьева Е.А. Рождение национального историописания в Англии и Франции. СПб., 2021. С. 29.

¹⁸ Паламарчук А.А., Федоров С.Е. Указ. соч. С. 395.

¹⁹ Moffit J. Medieval Mappaemundi and Ptolemy's Chorographia // Gesta. 1993. Vol. 32. № 1. P. 63.

²⁰ Biondo F. Rome in Triumph / trans. by F. Muecke. Vol. 1. Cambridge, 2016.

²¹ Бьондо Ф. Воссозданный Рим. М., 2020.

²² Helgerson R. The Land Speaks: Cartography, Chrography, and Subversion in Renaissance England // Representations. 1986. № 16. P. 70.

местности обязательно сопровождалась королевскими инсигниями, символизирующими принадлежность данной территории, то уже к XVII столетию земля практически полностью вытесняет регальные символы и занимает, таким образом, доминирующее положение не только в антикварных текстах, но и, очевидно, в структурах мышления²³. Поэтому если для средневекового хрониста быть верным Англии означало быть верным династии, то для хорографа Англию представляли прежде всего Корнуолл, Девон, Уорикшир, Лондон и другие графства, города, земли и поселки. Подобная трансформация приводила к актуализации новых форм коллективных идентификаций, способствовавших групповой консолидации в рамках локальных сообществ.

С другой стороны, в «малых» хорографических обзорах воспроизводились, как правило, те же образцы, что и в масштабных «общebritанских» хорографиях, которые были направлены прежде всего на формирование целостного образа территории, необходимого для ревокации прав Тюдоров в условиях династического строительства. Следовательно, в локальных описаниях продолжал фигурировать образ некоего «целого», частью которого являлся данный локус, что позволяло авторам успешно маневрировать между микро- и макроуровнями, создавая тем самым различные вариации идентичности.

В целом подобные нарративы были ориентированы прежде всего на трансляцию образа пространства той части аудиторией, которая была непосредственно связана с данной территорией. Более того, сами авторы являлись, как правило, частью того локального сообщества, образ которого конструировался и разворачивался на страницах их трактатов²⁴. Целеполагание автора в данном случае определялось через интеллектуальный механизм дифференциации, т.е. отличия «себя» и «своего пространства» от «иного», который легитимировал само существование местности и делал ее достойной описания. Таким образом, в локально ориентированных сочинениях происходило изобретение и фиксация тех различий, которые делали «возможным» Корнуолл, Девон, Уорикшир и другие территориальные образования. «Разворачивая» перед читателем пространство автономии, авторы делали повествование чрезвычайно детализированным. Важно отметить, что частное в «локальных» нарративах всегда оставалось органической частью большого британского макрокосма. «Локальные» по своей тематике тексты не только не противоречили, но и во многом даже дополняли такие масштабные тексты, как, например, сочинения Уильяма Кемдена²⁵ или Майкла Дрейтона²⁶. Таким образом, те территориальные идентичности, которые конструировались на страницах локальных обзоров в контексте партикуляристского дискурса, в рамках универсалистского оказывались встроены в единое «британское тело», где их вариативность нивелировалась уже новой формой идентификации – протонациональной.

Самым известным подобным топографическим описанием Корнуолла стал трактат Ричарда Керью «Описание Корнуолла»²⁷, опубликованный впервые в 1602 г. в Лондоне. Автор данного текста родился в одной из самых знатных корнуолльских семей и практически все свое время проводил вдали от Лондона. Считается, что на своего «младшего коллегу» значительное влияние оказал Уильям Кемден и даже часть «Британии», посвященная Корнуоллу, может рассматриваться как порождение их совместного творчества²⁸. Что касается политической деятельности Ричарда Керью, то она также всегда была непосредственно связана с его родным графством. Благодаря разветвленной сети социальных связей, он несколько лет занимал место в палате общин, будучи представителем сразу двух корнуолльских округов. Однако большую часть жизни он оставался далек от двора,

²³ Ibid. P. 59.

²⁴ Levy F. Op. cit. P. 167.

²⁵ Camden W. Britannia: sive Florentissimorum Regnorum, Angliae, Scotiae, Hiberniae, et Insularum Adiacentium ex intima antiquitate chorographica descriptio. London, 1586.

²⁶ Drayton M. Poly-Olbion. London, 1612.

²⁷ Carew R. The Survey of Cornwall. London, 1602.

²⁸ The History of Parliament: The House of Commons 1558–1603. Vol. 1. Cambridge, 1981. P. 542.

предпочитая проводить время в путешествиях по Корнуоллу, что впоследствии нашло отражение в его «Описании Корнуолла». Данный текст долгое время оставался в тени более масштабных хорографических описаний, поэтому на сегодняшний день нет работы, которая всецело была бы посвящена анализу данного трактата. Несмотря на это, сам трактат многократно переиздавался. На настоящий момент последнее издание работы Керью датируется 2004 г.²⁹ Сам текст «Описания Корнуолла» в издании 1602 г. занимает 318 страниц и состоит из двух книг, разделенных по тематическому принципу. Трактат написан на английском языке, однако включает в себя многочисленные цитирования на латыни, а также вставки на корнском и греческом языках.

Структурно «Описание Корнуолла» воспроизводит ту повествовательную модель, которая лежит в основе структуры «Британии» Кемдена. Она предполагает наличие двух смысловых частей, где в первой представлена панорама локальных сообществ, разворачивающаяся в контексте топографического описания, а во второй воссоздается своеобразная вертикаль, выражающая специфику общности в ее территориальном воплощении³⁰. В первой книге Керью описывает Корнуолл извне, наблюдая за ним с «высоты птичьего полета». Здесь Корнуолл предстает монолитным и целостным, географически изолированным от окружающего пространства. Керью пишет: «Природа оттеснила Корнуолл в самую дальнюю часть королевства и окружила его океаном, сделав полуостровом на острове, так что жители находят лишь один выход по суше»³¹. Существенная часть первого обзора посвящена той природной, культурной и социальной реальности, которая постоянно воспроизводится и воссоздает тем самым жизненное пространство. Керью осознает, что тот образ, который он конструирует в своем трактате, не является «вечной, неизменной сущностью». Корнуолл для него существует в исторической динамике, поэтому, как говорит сам автор, его описание на момент публикации трактата уже может не соответствовать реальному состоянию графства (с. 1).

Таким образом, в первой книге в центре повествования Керью оказывается сама земля и те ее составляющие (например, традиционно добывавшееся в Корнуолле олово), которые обеспечивают процветание региона и объединяют его жителей. Так, например, он пишет: «Почему мы ищем по углам мелкие товары, когда единственный рудник корнуолльского олова приносит нашей стране столько пользы ...ведь благодаря ему жители получают богатство, торговцы — работу, а все королевство — славу» (с. 9). Кроме того, Керью строит свое сочинение таким образом, что за каждым описанием природного объекта следует оценка его материальной ценности, обусловленной, прежде всего, хозяйственной деятельностью местного населения. Корнуолл здесь наполнен обезличенной массой земледельцев, шахтеров и рыбаков, которые культивируют ландшафт, наделяя его смысловым содержанием.

Данный подход направлен на воспроизводство не только географического пространства, социальных связей и генеалогий знатного сообщества, но также вписывает в данный контекст повседневные практики и обычаи, составляющие ежедневную жизнь «рядового корнуолльца»³². Несмотря на то что житель Корнуолла не персонифицирован, Керью наделяет его голосом, который слышен в описании фольклора рыбаков или обычая сбора трав. Так, автор формирует представление о воображаемом сообществе, обладающем общими традициями и разделяющем данные практики.

²⁹ Carew R. *The Survey of Cornwall* / eds J. Chynoweth, N. Orme, A. Walsham. Exeter, 2004.

³⁰ Федоров С.Е. «Британская» история Уильяма Кэмдена // История. Электронный научно-образовательный журнал. 2016. Т. 7. Вып. 2. URL: <https://history.jes.su/s207987840001396-4-1/> (дата обращения: 23.10.2021).

³¹ Carew R. *The Survey of Cornwall and An Epistle Concerning the Excellencies of the English Tongue*. London. 1769. P. 4. Далее ссылки на сочинение Керью даются в тексте.

³² Badcoe T. *Richard Carew and the Matters of the Littoral* // *Ground-Work: English Renaissance Literature and Soil Science* / ed. H. Eklund. Pittsburgh, 2017. P. 65.

Следуя жанровым особенностям хорографии, Керью вплетает в пространственное измерение исторический компонент, определяющий последовательность фактов и событий, которые обуславливают существование Корнуолла уже в хронологическом измерении. Он прослеживает эволюцию институтов королевской власти, существовавших с Коринея до Эдуарда VI, провозглашая ее континуитет от первого завоевателя данной территории до нынешнего герцога, обладающего здесь «королевской юрисдикцией и правами короны» (с. 40). Включение подобного элемента хроникального историописания с привлечением истории потестарных институтов свидетельствует о восприятии автором королевской власти как организующего начала, призванного вписать Корнуолл в общий английский контекст.

При этом в характерной для елизаветинской эпохи модели мышления, сочетающей в себе идеи микро- и макрокосма, Керью успешно «маневрирует» между особой корнуолльской землей и общеанглийским ландшафтом таким образом, что маленький пруд в его родном имении оказывается аллюзией на целый океан, омывающий британские берега. Он постоянно перемещается между локальным и глобальным уровнями, встраивая Корнуолл в систему международных торговых связей, а также апеллируя к различным правовым документам, например к королевским статутам и хартиям (хартия короля Эдуарда I или статуты Елизаветы) (с. 18, 55), которые имели непосредственное влияние на внутреннюю жизнь местного сообщества. Так, например, он пишет: «Бог наделил недра этого маленького уголка земли таким богатством, что оно протекает через всю Англию, орошает христианский мир и растекается по всему свету» (с. 9). Хотя в начале книги Керью конструирует образ абсолютно обособленного графства, изоляция которого обусловлена прежде всего географически, сама форма организации нарратива, сплетающая описание внутреннего устройства с миром извне, делает Корнуолл частью общего английского ландшафта, позволяя одновременно подчеркнуть региональную специфику.

Во второй части трактата превалирует пространственно-территориальное измерение, наполненное информацией о природных объектах, местной знати, церковных памятниках и языке. Тем не менее Керью «разворачивает» пространство в несколько иной конфигурации. На этот раз Корнуолл изображается изнутри, что позволяет читателю совершать ментальное путешествие, передвигаясь вслед за автором от одной административной единицы к другой. В качестве первичной подобной структуры выступает сотня. Так, он пишет: «С моей точки зрения, я буду легко путешествовать с места на место... принимая сотни в качестве проводников, пока я не завершу это утомительное путешествие» (с. 98). Керью последовательно проходит через всю территорию Корнуолла от самой северной до самой южной точки. Можно предположить, что данный маршрут действительно мог существовать и скорее всего был опробован им лично.

В начале второй части Керью предвосхищает содержание книги в целом: «Сначала я сообщу то, что узнал о корнуолльцах и Корнуолле в общем, после чего перейду к отдельным местам и личностям, наиболее заслуживающим внимания, а также к памятным событиям, которые происходили здесь как в самые ранние, так и в более поздние годы» (с. 97). Под общим описанием Корнуолла и корнуолльцев он, очевидно, подразумевает последовательность событий, которые определяют положение общины в конкретный исторический период. В подобном прочтении историю Корнуолла он начинает уже не с Коринея, а с восстания западных бриттов и, соответственно, с завоеваний Цезаря, как бы проводя черту между гальфридианской мифологической традицией и непосредственно «историческим» методом, характерным для антикварного дискурса. Так, в данном случае он апеллирует к сочинению Страбона, поскольку, как он сам пишет, это «самый ранний период, к которому могут привести его поиски» (с. 97). Таким образом, в хронологическом измерении Корнуолл «начинает существовать» только с момента документации здесь римского присутствия, несмотря на то что сам Керью утверждает, что на тот момент он уже был давно заселен западными бриттами (с. 3). При этом финальной точкой в его

историческом обзоре становится восстание корнуолльцев 1549 г., после чего изложение сводится исключительно к современности.

Во второй книге «Описания Корнуолла» история частная, воплощенная в образах знатных и благородных семейств, существует параллельно с историей монархической. Зачастую рассказ о местных лордах соседствует с династической историей английских королей и герцогов корнуолльских от самого Артура вплоть до королевы Елизаветы. При этом данный континуитет, указывающий на зримое присутствие королевской власти, конструирует непосредственную связь короны с данной территорией. Более того, генеалогические вставки также обладают территориальной локализацией, что призвано прежде всего вывести на первый план конкретный фрагмент территории, сделав его знать неотъемлемой частью и лишив, таким образом, ее прерогативного права собственности как на конкретную землю, так и на страну в целом.

Еще один риторический прием, к которому прибегает Керью и который, вероятно, был им заимствован у Кемдена, заключается в напластовании двух временных срезов, что позволяло ему успешно сочетать легендарное прошлое с привычным читателю настоящим. «Создавая», таким образом, территорию, существующую одновременно в нескольких временных позициях и вместе с тем «вне» времени в принципе, Керью убеждает своего аудиторию в стабильности их собственного мира. В тексте встречаются сюжеты, отдаленность которых от даты публикации трактата не превышает 10 лет, а учитывая то, что сам текст создавался на протяжении достаточно длительного периода времени, автор описывает современную ему реальность, в том числе и локальные сюжеты, участником которых он был лично и которые имели особое значение в рамках конкретного локального сообщества. В то же время параллельно с ними существуют сюжеты из легендарного прошлого Корнуолла, самым показательным примером которого может считаться легенда о короле Артуре, игравшая важную роль в местных идентитарных процессах.

Все это в совокупности с первой частью, где конструировалась повседневная корнуолльская реальность, позволяло читателю воспринимать этот образ с большим чувством сопричастности и создавало ощущение реальности данной общности. Одновременно данный образ разворачивался ретроспективно, освещая прошлое, где находились его истоки, интерпретируемые автором преимущественно как локально ориентированные. Одной из таких «изобретенных традиций» можно считать предлагаемую Керью корнуоллоориентированную версию гальфридианского мифа³³ о заселении Британии, согласно которой его начало было связано непосредственно с побережьем Корнуолла (с. 3).

Вопросы этногенеза и связанного с ним этногенетического мифа, сочетаемые со сферой топонимики и ономастики, представляют собой один из основных компонентов, необходимых для определения того, что сам Ричард Керью и его читатели могли понимать под словом «Корнуолл». Как известно, в XVI–XVII вв. английские интеллектуалы были буквально одержимы топонимикой, поскольку подлинным объектом их интереса была историческая и этнокультурная реальность, за топонимами стоящая; как следствие, топографические описания в итоге выходили за рамки действительных пространственных категорий³⁴. Используя технику номинации, т.е. последовательного перечисления топонимов и их интерпретации, Керью рассматривает Корнуолл как результат длительного социокультурного развития данной местности.

Проследивая этимологию топонима Корнуолл, Керью апеллирует сначала к хронистам, связывавшим его с легендарным героем-эпонимом Коринеем, игравшим на локальном уровне ту же роль, что и Брут для всей Британии, а затем к римским авторам, возводившим его название к обозначению *Cornu Galliae*. Сам Керью придерживается

³³ Гальфридианский миф — устоявшееся в исторической науке обозначение описания родства британских народов через генеалогию потомков Брута — Локрина, Камбра и Альбанакта. Данная легенда обретает повторную актуальность в тюдоро-стuartовский период в связи кельтскими корнями обеих династий.

³⁴ *Robinson B. Elizabethan Society and Its Named Places // Geographical Review. 1973. Vol. 63. № 3. P. 323.*

мнения, что наименование Корнуолла «происходит из соединения латинских слов *Cognu Walliae*, условно переводящихся как “валлийский ро́г”» (с. 3), прослеживая, таким образом, связь между Корнуоллом и Уэльсом, в отдаленных регионах которых бритты были вынуждены скрываться от завоевателей саксов. Он пишет, что саксы использовали слово «*welshmen*» в значении «чужак» для обозначения как раз той части бриттского населения, которая смогла скрыться на территории этих двух регионов и оказалась в изоляции, что, возможно, и помогло им сохранить своеобразие, в том числе и этническое, впоследствии реализовавшееся уже в виде особой формы региональной идентичности (с. 3).

Тем не менее большой интерес с точки зрения конструирования конкретного локуса и связанных с ним идентичностей представляет традиционная рефлексия об истории заселения Британии, восходящая к гальфридианскому мифу. Долгое время она оставалась единственной общепринятой формулой объяснения британского этногенеза, базирующейся на классическом мифе, который возводил происхождение легендарного героя-эпонима, в данном случае Брута, к троянскому циклу. Впервые данная история фигурировала в сочинении «История бриттов»³⁵ Ненния, однако изобретение традиции, к которой непосредственно позднее апеллировало подавляющее большинство авторов, искавших исходную точку британской истории, связано с именем Гальфрида Монмутского и его «Историей королей Британии».

Гальфридианская идея постоянно циркулировала и многократно воспроизводилась в многочисленных текстах на протяжении XII–XIV вв., оставаясь при этой основной версией событий ранней истории Британии. Впоследствии она слилась с тюдоровским династическим мифом, что позволило новой династии инструментализировать свое валлийское происхождение, возведя его к первому завоевателю Британии. При первых Стюартах, однако, наблюдается как отказ от слепой веры в гальфридианский миф, так и его новые интерпретации, обусловленные возникновением композитарной монархии.

Основа для скептического отношения к истории Гальфрида была заложена еще в сочинении Полидора Вергилия. Он одним из первых отказался от бездоказательного использования легенды о Бруте, апеллируя к ее «невероятности», а также к тому факту, что римское прошлое могло играть более важную роль в актуальной для него имперской парадигме, чем более древнее происхождение, пусть и восходящее к самой Трое³⁶. Тем не менее от образа Брута полностью так и не отказались, поскольку уничтожение его и его потомков оставляло бы в истории пустоту, которую на тот момент пока нечем было заполнить. Хорографы XVI в. – Джон Лиланд и Уильям Ламбард – продолжали защищать и воспроизводить историю Гальфрида, хоть и с известной долей скептицизма, подтверждая династический миф Тюдоров. При этом на локальном уровне, прежде всего в сочинениях валлийских авторов, легенды о Бруте, а также об Артуре, которые неразрывно следовали друг за другом в сочинении Гальфрида, была заметна более последовательная приверженность старым традициям, обусловленная своеобразным локальным патриотизмом.

Особенностью интерпретации данного мифа в «Обзоре Корнуолла» Керью является его корнуоллоориентированное прочтение классической версии легенды о заселении Британии. В трактате традиционно фигурируют две личности – Брут, впоследствии основатель династии бриттских королей, а также Кориней, кузен Брута, высадившийся непосредственно в Корнуолле, где и произошла его знаменитая битва с великаном Гогмагом. Так, Керью пишет, что именно Кориней, кузен Брута, стал первым завоевателем этого острова. В истории Гальфрида Кориней также фигурирует как товарищ Брута по оружию, который успешно сражается с гигантом, после чего обретает землю Корнуолла,

³⁵ Ненний. История бриттов // Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина. М., 1984. С. 172.

³⁶ Polydore V. *Anglica Historia* (1555 version): a hypertext critical edition / ed. D. Sutton. Irvine, 2009. P. 19.

становясь для нее эпонимом, а также родоначальником династии легендарных правителей. «Добычей, дарованной Коринею за этот подвиг, был Корнуолл» (с. 3).

Сама структура данного мифа остается у Керью неизменной. Он все еще придерживается версии, согласно которой Кориней действительно высадился на территории Корнуолла, где и произошла его знаменитая битва с великаном. При этом Керью не вдается в подробности завоевания Британии, акцентируя внимание исключительно на Корнуолле. Так что перед нами разворачивается классическая история, где герой сражается со злой сверхъестественной силой, после чего «получает в награду землю за доблесть». Керью пишет: «Можно предположить, что Кориней получил в награду место, где он доказал собственную ценность» (с. 3). Таким образом, Гогмагог выступает не просто как абстрактная сила, противостоящая главному герою, а как государь (prince) данной территории, победив которого, Кориней получает землю в дар.

В интерпретации Ричарда Керью наиболее интересной представляется географическая привязка легенды о заселении Британии. Он пишет, что знаменитая битва Кориней с Гогмагогом произошла именно в Плимуте, и добавляет: «Также говорят, что местом, где первоначально высадился Брут, был Тотнес в Корнуолле, поэтому битва между Коринеем и Гогмагогом состоялась здесь, а не где-либо еще». Он приходит к выводу, что провинцией, дарованной Коринею, также был именно Корнуолл (хотя при Стюартах Тотнес формально относился к графству Девон). Исходя из этого, он делает предположение, что девонцы и корнуолльцы, в отличие от представителей других графств, унаследовали особый воинский дух, обусловленный, прежде всего, их происхождением, восходящим непосредственно к великому воину Коринею (с. 3).

В то же время большое распространение имела версия высадки Брута и его кузена в Дувре, что, например, было изложено в хронике Рафаэля Холиншеда³⁷. Тем не менее корнуоллоориентированная версия гальфридианского мифа также уже встречалась до этого в поэме Эдмунда Спенсера³⁸ и в описании Плимута Уильяма Кемдена, в то время как версия с Тотнесом восходила корнями к оригинальной истории Гальфрида Монмутского, который писал, что, «плывя с попутными ветрами к обетованному острову, он пристал, наконец, к Тотонскому побережью»³⁹.

Предположительно представление, что именно Плимут стал местом высадки и сражения, было основано на местной традиции. Возможно, Энтони, откуда происходил сам Керью, находился недалеко от Плимута, что может свидетельствовать о том, что он действительно был знаком с устными преданиями, которыми он дополнительно подтверждал свои умозаключения. Так или иначе, достоверное место высадки Брута не было известно никому, и интерпретация Керью, связывающая троянскую легенду о завоевании Британии с побережьем Тотнеса и Плимута, входящих сегодня в состав графства Девон, очевидно, должна была связать данный этногенетический миф непосредственно с Корнуоллом (т.е. с «Западными землями», так как Керью фактически не делал различий между Корнуоллом и Девоном). Это позволило ему начинать отсчет истории Британии именно с корнуолльского побережья, таким образом, наделив данную территорию особым символическим значением. Жители «Западных земель» обрели у него уникальную родословную, восходящую к великому герою-воину Коринею, что выделяло их среди жителей других графств. В то же время его версия заселения Британии не только повышала значимость Корнуолла по сравнению с другими британскими территориями, но и делала его частью общебританского целого. Тем самым он становился своеобразным эпицентром, отправной точкой истории всего острова.

³⁷ Holinshed R. The Chronicles of England, Scotland and Ireland. Vol. 1. London, 1807.

³⁸ Spenser's Faerie queene. A poem in six books with the fragment Mutabilitie / ed. J. Thomas. London, 1895.

³⁹ Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина / под ред. А.Д. Михайлова. М., 1984. С. 17.

В том, что касается корнского языка как одного из маркеров корнуолльской этнической идентичности, Керью акцентирует внимание, во-первых, на различии словоупотребления и практики номинации в разных частях Корнуолла (так, например, в западной части язык сохранился в более чистом виде, так как в меньшей степени подвергся англизации), а во-вторых, на связи данного языка с валлийским, обусловленной общностью их происхождения. Он пишет: «Как корнуолльские имена имеют сходство с валлийскими, так и сами языки имеют один источник и отличаются только как диалекты» (с. 56). Подобная интерпретация свидетельствует о понимании автором специфической связи между корнуолльцами и валлийцами, восходящей корнями к общему бриттскому прошлому. Тем не менее он признает, что корнуолльский язык пережил существенное влияние английского и на момент написания трактата уже практически исчез, так как «большинство жителей не знали корнуолльского языка, но лишь немногие не умели изъясняться на английском» (с. 57). Несмотря на это, он утверждает, что при встрече с англичанином корнуоллец ответит на своем языке и не станет говорить на саксонском. Таким образом, Керью действительно проводит черту между англичанами, имевшими, соответственно, англосаксонское происхождение, и корнуолльцами, восходящими к бриттскому населению древней Британии. Одновременно он отмечает и существенное влияние, которое английский язык и, следовательно, сами англичане оказали на корнуолльцев, благодаря чему они оказались более «цивилизованными» (можно считать англизированными), чем, например, далекие ирландцы (с. 57).

В целом Корнуолл в трактате Ричарда Керью предстает как полуавтономный регион, тщательно вписанный в общеанглийский контекст. Для него, как и для большинства авторов локально ориентированных нарративов, большое значение имеют местные обычаи, повседневные практики и традиции, существующие в неразрывной связи с деятельностью местных корпораций. Все это в совокупности формирует микрокосм локального сообщества, представляющий проекцию целой Британии, т.е. общего британского макрокосма. Основанием корнуолльской идентичности выступают те местные особенности, которые выгодно выделяют его на фоне остальных английских графств и других территорий Британии, составляющих единый полиэтничный организм. Благодаря корнуоллоориентированному прочтению гальфридианского мифа, игравшего важную роль в тюдоровской пропаганде в условиях активного династического строительства, именно Корнуолл помещается в эпицентр британской истории, становясь ключом к последующему заселению остальной части острова. Таким образом, от самого Коринея вплоть до Елизаветы I прослеживается континуитет институтов королевской власти – организующего принципа, благодаря которому Корнуолл и становится неотъемлемой частью Британии. Акцентируя внимание на знатном сообществе как на наиболее англизированной части населения, а также на влиянии английского языка на корнуолльский, постулируется включение Корнуолла в английское политическое и культурное пространство. Все эти особенности нарратива были направлены на преодоление внутренней разнородности территориального государства и конструирование единой протонациональной идентичности.

Библиография

- Гальфрид Монмутский.* История бриттов. Жизнь Мерлина / под ред. А.Д. Михайлова. М., 1984.
- Бьондо Ф.* Воссозданный Рим. М., 2020.
- Ненний.* История бриттов // *Гальфрид Монмутский.* История бриттов. Жизнь Мерлина. М., 1984. С. 173–193.
- Паламарчук А.А., Федоров С.Е.* Конструируя средневековые территориальные автономии: реальность и дискурсы раннего Нового времени // Диалог с временем. 2021. №75. С. 394–402.
- Паламарчук А.А., Федоров С.Е., Терентьева Е.А.* Рождение национального историописания в Англии и Франции. СПб., 2021.

- Федоров С.Е.* «Британская» история Уильяма Кэмдена // История. Электронный научно-образовательный журнал. 2016. Т. 7. Вып. 2. URL: <https://history.jes.su/s207987840001396-4-1/> (дата обращения: 23.10.2021).
- Armstrong D.* Mapping Malory's Morte: The (Physical) Place and (Narrative) Space of Cornwall // Mapping Malory. Regional Identities and National Geographies in Le Morte Darthur (Arthurian and Courtly Cultures) / eds D. Armstrong, K. Hodges. New York, 2014. P. 19–44.
- Badcoc T.* Richard Carew and the Matters of the Littoral // Ground-Work: English Renaissance Literature and Soil Science / ed. H. Eklund. Pittsburgh, 2017. P. 64–95.
- Biondo F.* Rome in Triumph / trans. by F. Muecke. Vol. 1. Cambridge, 2016.
- Camden W.* Britannia: sive Florentissimum Regnorum, Angliae, Scotiae, Hiberniae, et Insularum Adiacentium ex intima antiquitate chorographica descriptio. London, 1586.
- Carew R.* The Survey of Cornwall. London, 1602.
- Carew R.* The Survey of Cornwall and an Epistle Concerning the Excellencies of the English Tongue. London, 1769.
- Carew R.* The Survey of Cornwall / eds J. Chynoweth, N. Orme, A. Walsham. Exeter, 2004.
- Chynoweth J.* Tudor Cornwall. Stroud, 2002.
- Deacon B.* Cornwall: A Concise History. Cardiff, 2007.
- Deacon B.* Industrial Celts: Making the modern Cornish identity, 1750–1870. Cornwall, 2018.
- Drayton M.* Poly-Olbion. London, 1612.
- Fussner F.* The Historical Revolution, English Historical Thought and Writing, 1580–1640. London, 2010.
- Harris R.* Locating identity and ethnicity in Cornish civil society. PhD diss. Exeter, 2016.
- Holinshed R.* The Chronicles of England, Scotland and Ireland. Vol. 1. London, 1807.
- Husk K., Williams M.* The Legitimation of Ethnicity: The Case of the Cornish // Studies in Ethnicity and Nationalism. 2012. № 12(2). P. 249–267.
- Helgerson R.* The Land Speaks: Cartography, Chorography, and Subversion in Renaissance England // Representations. 1986. № 16. P. 50–85.
- Holford M., Stringer K.* Border Liberties and Loyalties North-East England, c. 1200 – c. 1400. Edinburgh, 2010.
- Kirhope J.* The Duchy of Cornwall – A Feudal Remnant? An Examination of the Origin, evolution and present status of the Duchy of Cornwall: PhD diss. Plymouth, 2013.
- Levy F.* Tudor Historical Thought. San Marino, 1967.
- Moffit J.* Medieval Mappaemundi and Ptolemy's Chorographia // Gesta. 1993. Vol. 32. № 1. P. 59–68.
- Payton P.* Cornwall: A History. Exeter, 2017.
- Polydore V.* Anglica Historia (1555 version): a hypertext critical edition / ed. D. Sutton. Irvine, 2009.
- Robinson B.* Elizabethan Society and Its Named Places // Geographical Review. 1973. Vol. 63. № 3. P. 322–333.
- Rowse A.* Tudor Cornwall: Portrait of a Society. London, 1941.
- Spenser's Faerie queene. A poem in six books with the fragment Mutabilitie / ed. J. Thomas. London, 1895.
- Stoyle M.* The Dissidence of Despair: Rebellion and Identity in Early Modern Cornwall // Journal of British Studies. 1999. Vol. 38. № 4. P. 423–444.
- Stoyle M.* Tudor Cornwall // The English Historical Review. 2004. Vol. 119. Iss. 48. P. 135–136.
- The History of Parliament: The House of Commons 1558–1603 / ed. P. Hasler. Vol. 3. Cambridge, 1981.

References

- Biondo F.* Vossozdanniy Rim [Rome Restored]. Moskva, 2020. (In Russ.)
- Fedorov S.E.* “Britanskaya” istoriya Uil’yama Kemdena [The “British” History of William Camden // Istoriya. Elektronnyy nauchno-obrazovatel’nyy zhurnal [History. Electronic popular science journal]. 2016. Т. 7. Вып. 2. URL: <https://history.jes.su/s207987840001396-4-1/> (access date: 23.10.2021). (In Russ.)
- Gal’frid Monmuskii.* Istoriya brittov. Zhizn’ Merlina [The history of the Britons. Merlin’s Life] / pod red. A.D. Mikhailova. Moskva, 1984. (In Russ.)
- Nennij.* Istoriya brittov [History of the Britons] // Gal’frid Monmuskii. Istoriya brittov. Zhizn’ Merlina [The history of the Britons. Merlin’s Life]. Moskva, 1984. (In Russ.)
- Palamarchuk A.A., Fedorov S.E., Terent’eva E.A.* Rozhdenie natsional’nogo istoriopisaniya v Anglii i Frantsii [The birth of the national historical writing in England and France]. Sankt-Petersburg, 2021.
- Palamarchuk A.A., Fedorov S.E.* Konstruiруя srednevekovye territorial’nye avtonomii: real’nost’ i diskursy rannego novogo vremeni [Constructing medieval territorial autonomies: The early modern reality and discourses] // Dialog so vremenem [Dialogue with Time]. 2021. № 75. P. 394–402. (In Russ.)

- Armstrong D.* Mapping Malory's Morte: The (Physical) Place and (Narrative) Space of Cornwall // Mapping Malory. Regional identities and national geographies in Le Morte Darthur (Arthurian and Courtly Cultures) / eds D. Armstrong, K. Hodges. New York, 2014. P. 19–44.
- Badcoe T.* Richard Carew and the Matters of the Littoral // Ground-Work: English Renaissance Literature and Soil Science / ed. H. Eklund. Pittsburgh, 2017. P. 64–95.
- Biondo F.* Rome in Triumph / trans. by F. Muecke. Vol. 1. Cambridge, 2016.
- Camden W.* Britannia: sive Florentissimorum Regnorum, Angliae, Scotiae, Hiberniae, et Insularum Adiacentium ex intima antiquitate chorographica descriptio. London, 1586.
- Carew R.* The Survey of Cornwall. London, 1602.
- Carew R.* The Survey of Cornwall and An Epistle Concerning the Excellencies of the English Tongue. London. 1769.
- Carew R.* The Survey of Cornwall / eds J. Chynoweth, N. Orme, A. Walsham. Exeter, 2004.
- Chynoweth J.* Tudor Cornwall. Stroud, 2002.
- Deacon B.* Cornwall: A Concise History. Cardiff, 2007.
- Deacon B.* Industrial Celts: Making the modern Cornish identity, 1750–1870. Cornwall, 2018.
- Drayton M.* Poly-Olbion. London, 1612.
- Fussner F.* The Historical Revolution, English Historical Thought and Writing, 1580–1640. London, 2010.
- Harris R.* Locating identity and ethnicity in Cornish civil society. PhD diss. Exeter, 2016.
- Helgerson R.* The Land Speaks: Cartography, Chorography, and Subversion in Renaissance England // Representations. 1986. № 16. P. 50–85.
- Holinshed R.* The Chronicles of England, Scotland and Ireland. Vol. 1. London, 1807.
- Husk K., Williams M.* The Legitimation of Ethnicity: The Case of the Cornish // Studies in Ethnicity and Nationalism. 2012. № 12(2). P. 249–267.
- Holford M., Stringer K.* Border Liberties and Loyalties North-East England, c. 1200 – c. 1400. Edinburgh, 2010.
- Kirhope J.* The Duchy of Cornwall – A Feudal Remnant? An Examination of the Origin, Evolution and Present Status of the Duchy of Cornwall: PhD diss. Plymouth, 2013.
- Levy F.* Tudor Historical Thought. San Marino, 1967.
- Moffit J.* Medieval Mappaemundi and Ptolemy's Chorographia // Gesta. 1993. Vol. 32. № 1. P. 59–68.
- Payton P.* Cornwall: A History. Exeter, 2017.
- Polydore V.* Anglica Historia (1555 version): a hypertext critical edition / ed. D. Sutton. Irvine, 2009.
- Robinson B.* Elizabethan Society and Its Named Places // Geographical Review. 1973. Vol. 63. № 3. P. 322–333.
- Rowse A.* Tudor Cornwall: Portrait of a Society. London, 1941.
- Spenser's Faerie Queene. A Poem in Six Books with the Fragment Mutabilitie / ed. J. Thomas. London, 1895.
- Stoye M.* The Dissidence of Despair: Rebellion and Identity in Early Modern Cornwall // Journal of British Studies. 1999. Vol. 38. № 4. P. 423–444.
- Stoye M.* Tudor Cornwall // The English Historical Review. 2004. Vol. 119. Iss. 48. P. 135–136.
- The History of Parliament: The House of Commons 1558–1603 / ed. P. Hasler. Vol. 3. Cambridge, 1981.